КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ. ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н.В. Тимко

Кандидат филологических наук
Доцент кафедры перевода и межкультурной коммуникации

Курский государственный университет

Статья посвящена рассмотрению проблем перевода, связанных с асимметрией некоторых грамматических категорий в русском и английском языках, в частности, с различиями в употреблении личных и безличных конструкций, активного и пассивного залогов, средств выражения модальности, негативных и императивных конструкций. В статье исследуются социально-культурные причины подобных различий, а также выделяются переводческие стратегии их нейтрализации.

***Ключевые слова**: грамматическая асимметрия, грамматические системы языков, социально-культурный аспект грамматики, межкультурное сопоставление языков, перевод грамматических категорий.*

Мысль о том, что люди, говорящие на разных языках и принадлежащие к разным культурам, по-разному воспринимают мир, является общепризнанной и уже не требует доказательств. Вопросы, связанные с соотношением языка и культуры, занимают в настоящее время центральное место в исследованиях лингвистов всего мира, которые изучают культурную специфику языков и коммуникации.

Исследователи разных направлений и областей знаний пришли к выводу, что язык неразрывно связан с культурой, с той реальностью, в которой живут люди и с той деятельностью, которую они выполняют. Один и тот же общечеловеческий опыт фиксируется в конкретных национальных языках, которые по-разному членят одни и те же картины (отражения) реального мира. Такое «деление» реального мира с последующей номинацией его частей создаёт понятийный (культурный) мир этнического коллектива. Иными словами, культура «делит» мир, а язык в своих названиях закрепляет это деление.

В связи с этим важным представляется изучение грамматических систем языков с точки зрения отражения в них национально-культурных

особенностей. Ведь грамматические различия выходят далеко за пределы различий чисто языковых, они в такой же степени характерны и для ментальной области и могут быть объяснены с точки зрения ценностных ориентаций определённой культуры.

Грамматика создаёт потенциал, в котором воплощается культурное бытие народа. Этот потенциал имеет как разрешительную, так и ограничительную функции, иными словами, грамматика делает значение возможным, но также накладывает на значение ограничения.

Различия при описании лица в русском и английском языке являются примером возможностей грамматики и ограничений, которые она накладывает. Эти различия связаны со спецификой осмысления и представления знаний в разных когнитивных сферах. В английской культуре понятие ***privacy*** (личная автономия) играет настолько значительную роль, что с его помощью можно объяснить многие особенности и английского языка, и английской культуры. Это как раз тот безэквивалентный концепт, который содержит важнейшую информацию о коммуникативном сознании представителей этой культуры, о принятых нормах и правилах коммуникации. Он выражает культурную ценность автономии, независимости личности. Поэтому в английском языке ярко прослеживается культурное стремление к идентичности описания. Это выражается в широком использовании местоимения **I**, а также местоимений **everyone**, **everybody (***Where should **I** meet you tonight? / Где **мы** сегодня встретимся? **Everyone** is busy / **Все** заняты. **Peter and I** went to the cinema / **Мы с Петром** пошли в кино***)**. В английских научных статьях автор никогда не назовет себя в третьем лице, как это принято у русских (Мы полагаем…, Мы считаем…, Мы пришли к выводу…). В английском языке говорить о себе, используя «мы», имеет исключительно историческую коннотацию и относится к временам королевы Виктории, как в известной фразе “We are not amused” – «Мы недовольны».

В русском языке нет подобной зоны личной автономии. Для русского национального сознания, напротив, большое значение имеет «соборность» или «общинность», «коллективность» [Ларина, 2003: 40]. Соборность заключается в приоритете общих, коллективных интересов, целей над личными, это явление высоко оценивается (оценивалось) в России, оно относится к национальным ценностям и определяет все особенности русского менталитета [Воробьёв, 1997: 175; Прохоров, Стернин, 2002: 95]. Русский человек осознавал себя членом общества не

как индивид, а как член конкретной общины, член коллектива, частью которого он был. Возможно, именно поэтому, адресуя конверт, мы, в отличие от европейцев, традиционно пишем страну, город, улицу, дом и только потом называем себя; также предпочитаем ставить имя после фамилии, подчёркивая свою принадлежность к семье. В языке это выражается в коллективности, коллегиальности описания: **мы, все, оба** (***Мы*** *знакомы? /* ***I*** *know you? Увид****им****ся / See you. Потанцу****ем****? / Come and dance with me*). В русском языке доля «мы» и «вы», в сравнении с английским, выше, чем доля «я» (*Я – последняя буква алфавита. Не якай!*). В английском языке нет эквивалента для русского выражения «у нас». В зависимости от контекста «у нас» значит *in our country, in our house*. Американцы, например, как нация индивидуалистическая, повсеместно употребляют *my* там, где русский сказал бы *наш/наша* (*my* country / *наша* страна, *my* company / *наша* компания, *my* family / *наша* семья). Даже продавец в магазине, не являющийся его владельцем, обслуживая покупателя, скажет ***I*** *don't have your size (У* ***меня*** *нет вашего размера)* вместо принятого у русских *У* ***нас*** *нет вашего размера.*

Носители английского и русского языков не одинаково относятся к объективному миру, что выражается в том, какую позицию субъект действия занимает по отношению к окружающему миру: пассивную или активную. Различия в отношении к окружающему миру и роли субъекта в нём связано с двумя противоположными ориентациями: ориентация на контроль над миром, происходящими событиями и самостоятельное распоряжение своей судьбой, и, напротив, предположение о том, что существуют высшие силы, управляющие человеком и окружающей его реальностью.

Как пишет в своей книге «Русские проблемы в английской речи» Линн Виссон, «Соединённые Штаты Америки – яркий пример культуры, носители которой убеждены, что судьба человека подвластна его воле. Как и в любом другом индивидуалистическом обществе, люди в США предполагают, что каждый из них должен сам нести полную ответственность за свои действия и жизнь и что недопустимо перекладывать вину за свои неудачи на других и тем более – на высшие силы» [Виссон, 2005: 69]. Это отражается в поговорке *the buck stops here* – «нельзя переложить ответственность на другого», в пословице *Where there is a will, there is a way* – «где воля, там и победа», в выражении *Don't just stand there, do something!* – «действуй, не топчись на месте». В

лингвокультурном пространстве носителей английского языка главенствует мировоззренческая установка на то, что человек по природе своей активен, рационален, настроен на позитив (positive thinking) и сам определяет, как строить свою жизнь. В английском языке подчёркнуто выражен активный деятель, что отражается в использовании подлежащего-существительного, олицетворяющего источник действия или действующее лицо, пусть даже чисто формальное: ***I****'m thirsty.* ***She****'s not sleepy*. ***I****'ve got to get up early tomorrow.* На русский язык подобные высказывания передаются неопределённо-личными и безличными конструкциями: ***Мне*** *хочется пить.* ***Ей*** *не спится*. ***Мне*** *завтра рано вставать.* «Активные» языковые конструкции плюс «позитивное мышление» английского языка создают «активный» лингвокультурный обиход. С первого класса американцев учат употреблять активный, а не пассивный залог. «Активные» элементы языка и культуры, реагируя друг с другом, формируют специфический американский менталитет.

Некоторые стилистические слои английского языка, однако, перенасыщены пассивными конструкциями, но опять же это имеет культурологическую подоплёку. Ведь пассивный залог, являясь важным средством сохранения лица, позволяет максимально снизить давление на собеседника, что связано с идеей вежливости, то есть «невмешательства в личную жизнь» другого человека. Так, в высказывании *It is parked illegally (букв.: Она припаркована незаконно)* (автоинспектор – водителю) действие представляется не как нарушение правил дорожного движения, совершённое адресатом, а как положение, в котором он по каким-то причинам оказался. Пассивные конструкции с глаголом *to be supposed* позволяют смягчить категоричность запрета: *You are not supposed to smoke here (букв.: Вы не предполагаетесь здесь курить)*. Таким образом, представляя нужное действие как общепринятое правило, давление на адресата максимально снижается и значение долженствования передаётся завуалировано.

В русском языковом представлении о мире главенствует, в отличие от английского, дух фатализма. Наряду с другими факторами, понятие о «судьбе» сыграло стержневую роль в создании русского семантического пространства. По мнению Вержбицкой, вместе с такими концепциями, как «душа» и «тоска», это слово отражает исконную веру народа в иррациональность и непредсказуемость людского бытия, неотвратимость того, что написано на роду жизненная позиция личности и её реакция на

многообразие событий становятся достаточно пассивными, что вполне объяснимо [Wierzbicka, 1992: 397]. Понятие «судьба» в русском лингвокультурном пространстве предполагает неспособность человека контролировать свою жизнь и судьбу (*От судьбы не уйдёшь, Тебе это на роду написано*). Всё это выражается в самой структуре русского языка, которая тяготеет к безличности и неопределённости, когда не субъект «делает» что-то по отношению к кому-то или чему-то, а, напротив, «что-либо делается» по отношению к субъекту. Многочисленные русские конструкции с существительным/местоимением в дательном падеже («трудно»), модальными словами («нужно», «нельзя»), отрицательными инфинитивными конструкциями без модальных слов («не бывать», «не видать»), возвратными глаголами («не спится», «не работается»), односоставные безличные предложения («моросит») и многие другие могут выражать как действия, так и состояния, и подчёркивают инертность субъекта.

Важнейшим межличностным аспектом грамматики, который является центральным как в устной, так и в письменной речи, является модальность. При этом для перевода важны как средства объективной модальности, которая выражает отношение сообщаемого к действительности в плане реальности и ирреальности, так и разнообразные средства субъективной модальности, которая выражает отношение говорящего к сообщаемому. Английский язык обладает богатой системой лексико-грамматических средств выражения модальности, русские же, напротив, смотрят на мир «невооруженным» взглядом. В английском языке, благодаря разнообразным оттенкам модальных значений, одна и та же интенция может быть выражена разнообразными средствами, например, выражение долженствования: *must, should, ought to, have to, to be supposed, to be to*. Так, значение *Ты должен это сделать* может быть передано следующими формулами: *You must do* it (потому что это твой долг), *You should do it / You ought to do it* (это было бы правильно с твоей стороны), You have to do it (так как нет другого выхода), *You are to do it* (по причине предварительной договорённости), *You are supposed to do it* (по-другому быть не может, все этого от тебя ждут).

Модальные глаголы в английском языке являются также важнейшим способом снижения прямолинейности высказывания (которая весьма характерна для русского языка), завуалирования прагматического значения с целью снизить до минимума давление на слушающего. Например, в

высказывании *Could you possibly bring me the bill please? (букв.: Могли бы вы, возможно, принести мне счёт, пожалуйста?)* сочетается несколько средств модальности – вопрос, модальный глагол, условное наклонение, модификатор *possibly*. Для русской коммуникации столь значительное расхождение между целью высказывания (просьба принести счёт) и его семантическим значением нехарактерно, поскольку в силу культурологических причин отсутствует необходимость в столь сильной завуалированности интенции говорящего.

Контрастные черты, отличающие русский язык от английского, обнаруживают себя и в использовании негативных конструкций. Негативные конструкции, коими изобилует русский язык, особенно те, которые выражают нормы общественного поведения, были одним из наиболее распространённых источников недоразумений и взаимонепонимания в отношениях между бывшим СССР и западным миром[1]. Наряду с «нет», «нельзя», «не надо», «не нужно», «не рекомендуется», в русском языке есть много таких слов и выражений, семантика которых расходится с английской. Даже вежливые вопросы в русском языке задаются при помощи условных отрицательных высказываний: *Вы **не** возражаете, если я это сделаю? / Do you mind if I do it? У вас **не** будет ручки? / Excuse me, do you have a pen?*

В английском языке более вежливыми являются утвердительные высказывания, поскольку в отрицательных содержится большее побуждение дать утвердительный ответ (Couldn't you do that?), а также некоторый упрёк в адрес слушающего. Какими бы ни были источники возникновения русских отрицательных словосочетаний, будь то история, психология или логика развития самого языка, при переводе на английский необходимо заниматься структурной перестройкой русских отрицательных конструкций для устранения их категоричности. Ср.: ***Не** исчезай / **Не** пропадай – Stay in touch! **Не** унывай! – Cheer up! По газонам **не** ходить. – Keep off the grass. Посторонним вход **воспрещён** – Private property. **Не** стойте у края платформы – Mind the gap.*

Явная асимметрия между русским и английским языками наблюдается также и в использовании императивных конструкций.

[1] Западные дипломаты и журналисты за спиной бывшего министра иностранных дел СССР Андрея Громыко называли его «мистер Нет», так как его речи на международной арене изобиловали предложениями с частицей «не» и содержали длинный ряд таких слов и выражений, как «нельзя» или «не следует», которые создавали головоломки для переводчиков [Виссон, 2005: 57].

Императив является в русском языке основным способом выражения просьбы. Императивные высказывания с ядром – повелительным наклонением – наиболее частотны. Две трети всех просьб в русском языке приходится на долю императива, который не имеет семантических вариантов [Егорова, 1995: 9]. Т. В. Ларина [2003: 95] обращает также внимание на некий внешний парадокс, содержащийся в вежливых просьбах на русском языке: *Окажите любезность / Не откажите в любезности / Не сочтите за труд / Будьте добры* и т.д. В подобных высказываниях содержатся два императивных глагола, что удваивает просьбу, усиливает давление на адресата. Форма императива в русской коммуникации не снижает уровня вежливости, как это происходит в английской. Даже будучи удвоенным, настойчивое апеллирование к адресату не воспринимается как нарушение этикетных норм, а напротив, повышает степень вежливости.

В английском языке, в противоположность русскому, императив является весьма «опасной» формой, выражающей, прежде всего, прямое давление на собеседника. Английские исследователи [Cheepen, Monaghan, 1990: 71-72] предупреждают, что императив следует употреблять с максимальной осторожностью, обращая внимание на то, чтобы был сохранён статус каждого из коммуникантов, так как, употребляя императив, говорящий изначально ставит себя выше своего собеседника, опускает его на более низкую статусную дистанцию. В отличие от русского языка, в котором отсутствуют средства замены отрицательных императивов, в английском языке они представлены в многообразии. Наряду с такими формулами, как *Don't hurry, Don't worry, Don't make noise, Don't forget to take the key*, широко употребляемыми являются их утвердительные синонимы *Take your time, Take it easy, Take heart, Stay calm, Remember to take the key.*

Вероятнее всего, подобные ограничения на употребление императива имеют культурологическую природу. Они опять возвращают нас к понятию *privacy* и связанную с ним установку *to respect somebody's privacy* (уважать личную автономию), то есть не вмешиваться в личные дела собеседника и не оказывать на него большого давления, а также с понятием *positive thinking* (позитивное мышление), предполагающем оптимистическое (позитивное, а не отрицательное) отношение к жизни. Ограничения на употребление чистого императива в английской коммуникации касаются не только вежливого общения, но даже и не очень

вежливого. Это связано с представлением о том, что каждый человек имеет право на свои собственные чувства, желания, мнения, и если он хочет выразить их, в этом нет ничего плохого; но если он хочет повлиять на действия других людей, то надо иметь в виду, что у них тоже могут быть свои чувства, желания, мнения, и они не обязательно должны совпадать. Стремление избегать отрицательного императива прослеживается также в текстах публичных объявлений, что позволяет перевести запрет в инструкцию. При этом императив смягчается модификаторами *please, kindly, thank you*.

Please keep off the grass (букв.: Пожалуйста, держитесь вне газонов). – *По газонам не ходить.*

Please kindly refrain from smoking. (букв.: Пожалуйста, любезно воздерживайтесь от курения). – *Не курить.*

Носители английского языка часто воспринимают русских отрицательно именно из-за частого использования ими императива и негативных конструкций, а русские, в свою очередь, воспринимают носителей английского языка как неискренних, не умеющих прямо выразить свои чувства и эмоции людей. Это связано с тем, что ошибки «культурного» плана чаще всего соотносятся не «с незнанием» культуры, а с психологическими, личностными (негативными) качествами человека.

Большую роль в создании «культурного мира» играет также словообразовательная система языка. Она предстаёт как инструментарий отражения действительности с помощью языковых знаков. Так, например, русский язык, в отличие от английского, обладает очень широкими возможностями префиксально-суффиксального образования: ***пере**стараться, **нед**описать, стар**ушк**а, Маш**еньк**а*.

В американском английском велика тенденция образовывать новые слова от уже имеющихся путём словосложения. Первые американские поселенцы изобретали новые сложные слова, осуществляя членение и номинацию новой для них географической и физической действительности, отличающейся от действительности Англии, например: *glowworm* (светлячок), *eggplant* (баклажан), *canvasback* (нырок), *copperhead* (медноголовая змея), *bluegrass* (мятлик), *catfish* (зубатка), *sapsucker* (дятел-сосун). Эти новые термины благодаря прозрачности номинации (использования существенных, видимых признаков предметов) были точны и понятны – важные свойства в стране, население которой состояло из людей, для многих из которых английский язык был неродной.

К грамматическим различиям, обусловленным культурологическими причинами, помимо вышеперечисленных, можно также отнести различия в употреблении категории времени, числа, различного рода категории вежливости и т.д.

Основные причины асимметрии кроются, по нашему убеждению, в исторически сложившемся типе социальных отношений, не совпадающих в сопоставляемых культурах, в разных культурных ценностях. Знание грамматических особенностей языка, а также вызывающих их социально-культурных причин, имеет чрезвычайно важное значение для перевода, так как позволяет строить высказывания, эквивалентные нормам и традициям другой культуры.

Библиографический список

1. *Виссон, Л.* Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур. – М.: Р.Валент, 2005.

2. *Егорова, М. А.* Контрастивно-прагматический анализ способов реализации просьбы: сопоставление британской, американской и русской традиции: автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 1995.

3. *Ларина, Т. В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. – М.: РУДН, 2003.

4. *Cheepen, C., Monaghan, J.* Spoken English: a practical guide. – London and New York: Pinter Publishers, 1990.

5. *Thomas, J.* Cross-cultural pragmatic failure // Applied Linguistics, 4. – 1983. – p. 91-112.

6. *Wierzbicka, A.* Cross-Cultural Pragmatics: The Semantics of Human Interaction. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.

7. *Wierzbicka, A.* Semantics, Culture and Cognition. – New York and Oxford: oxford university Press, 1992.

CULTURAL NATURE OF SOME GRAMMATICAL DIFFERENCES IN THE ENGLISH AND THE RUSSIAN LANGUAGES. TRANSLATION ASPECT

N.V. Timko, Kursk State University, Kursk, Russian Federation, PhD (Candidate) in Linguistics, Associate Professor of Translation and Intercultural Communication Department.

This article views the problems of translation connected with the asymmetry of some grammatical categories in the English and the Russian languages (usage of personal and impersonal constructions, active and passive voice, means of modality, negative and imperative constructions). The article investigates the cultural reasons of such differences and suggests translation strategies of their elimination.

***Key words**: grammatical asymmetry, grammatical systems of languages, cultural aspect of grammar, cultural comparison of languages, translation of some grammatical categories.*